

ЖИЗНЬ — КАК НА ЛАДОНИ

НАРОДНОЙ АРТИСТКЕ ЛАТВИЙСКОЙ ССР
ЛИЛИИ ЖВИГУЛЕ — 70 ЛЕТ

Советская молодежь
г. Рига

— Моя жизнь — как на ладони: она протекала здесь, на виду у всех, — говорит народная артистка Латвийской ССР Лилия Жвигуле. — В Художественный театр я пришла в 1921 году. Театр был мне близок с самого детства. Я горожанка, родилась в Риге. Во время первой мировой войны мы были беженцами, жили в Тамбовской губернии, в нынешнем Мичуринске. Там я посещала драматические курсы. Была у нас такая артистка Дობролюбова из Москвы и преподаватель сценического искусства Галль-Савальский. Они-то и организовали курсы. Мне, конечно, мешал акцент. Потом я стала говорить по-русски вполне прилично, но тогда о выступлении в местном театре не могло быть и речи. Однако яд театрального искусства у меня в крови с тех пор. И когда мы вернулись в Латвию, я сразу пошла в Художественный театр, к Эдуарду Смильгису. И пришла — на всю жизнь. Вот вам весь сказ о моей пятидесятилетней работе в театре, — заканчивает актриса, которая отмечает ныне свое семидесятилетие.

Факты и цифры можно перечислить в нескольких строках, но человеческую жизнь, то, что происходило в душе, творческую судьбу — сомнения, радости и муки, — как передать словами это?

В начале двадцатых годов стройная молодая девушка очень точно и плавно танцевала звездную девушку, зальфа и амур, грациозно стреляла из лука в роли амазонки, сыграла Карсею в «Огне и ночи» Райниса (это — первая роль, за которой следует длинный список).

— Искусство — это игра, которая несет человеку радость и, проясняясь сама в себе, приносит другим. Приходите в театр и вы увидите! — приглашал в те годы Художественный театр.

Ей часто приходилось тогда участвовать в так называемых комедиях дель-арте, как, например, «Веер» Гольдони. Они развили в ней радость игры, придали блеск своеобразным, только для нее характерным жестам и движениям.

Постепенно артистка переходила к более сложным ролям. Лилии Жвигуле еще не было 24 лет, когда она сыграла старую деву в «Грехах Трины» Блаумана.

Кто скажет теперь, откуда черпалась вера в свои силы, и сколько раз эта вера иссякала! Качели сомнений, которые каждого артиста то возносят на головокружительную высоту, то сбрасывают на землю, постоянно ощущала в себе Лилия Жвигуле. Чем больше чувство ответственности, тем больше сомнения.

— И чувству ответственности Смильгис умел научить каждого, — вспоминает артистка. — Какая бы роль ни была, он всегда создавал такое ощущение, что от тебя, и только от тебя зависит судьба спектакля. И кто же из нас не отдавал последних сил, чтобы создать что-то истинно новое! Таких слов, как «я не могу» или «я не знаю», в Художественном театре не существовало.

Уже упомянутая Трина в пьесе Блаумана, Тевини в «Родине» Яншевского, Пиндашиша в «Днях портных в Силмачах» Блаумана и другие роли в глазах режиссера все больше отличали Лилию Жвигуле как артистку, которой даются комические образы. Гораздо реже используется ее драматическая струна, и лишь в послевоенные годы загорается яркий драматический огонь в ее Кет-

Мюллер в «Джо Келлере и сыновьях», в деревенской женщине Роплайниете в «Блауном сыне» Блаумана. Эта последняя, вместе с сыгранной в последние годы матерью Инрану в пьесе Блаумана, — один из самых близких артистке образов.

Если в комедийном плане, веселя зрителя все новыми деталями и нюансами, артистка, как говорится, «разрядила» себя до конца, то трагический заряд продолжал выплескиваться наружу неудержимым потоком, и в таких образах, как первобытная литовская крестьянка Туше в «Индулесе и Арии» Райниса, или — в свое время — в Старой Ведьме в «Огне и ночи», в актрисе чувствуется какая-то дикая, необузданная, порой неорганизованная внутренняя сила.

Как комедийные, так и драматические образы Жвигуле всегда ярки и характерны. Это женщины из самых различных общественных слоев, часто — дамы высшего круга, как миссис Хигинс в «Пигмалионе» Шоу, мадам Янг в «Добром человеке из Сезуана» Брехта. Весьма своеобразна ее Ксения в «Егоре Булычове» Горького, однако преобладают все же образы простых тружениц.

Лилия Жвигуле первой в Художественном театре — после Великой Отечественной войны — сыграла роль колхозницы — в пьесах Анны Броделе: Мару Клаудзину в «Весне Упесшиема» и Лизу Салмино в «Золотой ниве», позднее — в пьесах Виганте «Петер, где твой сыновья» и других.

Особенную и весьма многообразную гамму чувств пережила актриса, воплощая образы Гунара Приеде. Лилия Жвигуле играла во всех поставленных в Художественном театре пьесах этого драматурга (за исключением «Девушки Нормунда», когда она во время генеральной репетиции сломала руку и прямо со сцены была увезена в больницу). Приходилось вживаться в столь различные образы, как Анна Угалише в «Хотя и осень», Густа Лизума в «Первом бале Вики», Зента в «На путь китов и чаек», или — Отилия в «Отилии и ее потомстве», — от серьезной, глубоко понимающей матери до воровки и пьяницы — бабушки, и снова — такой особенной бабусы, как Отилия!

Где найдены эти внутренние нюансы, понимание душевного склада человека, умение изобразить все это в характерной манере?

Может быть, она собирает эти богатства, проводя каждое лето в разных краях Латвии — то в Руйне, то — в Валдемарпилсе, то — в Алуksне. Отправляясь на летние гастроли, Лилия Жвигуле заодно присматривает себе место для отдыха и во время отпуска едет туда вместе с дочерью Иевой Мач — тоже артисткой.

Там она радуется природе и познает человеческие характеры, наблюдает, подмечает и накапливает, чтобы потом все обретенное — в переплавленном виде — возратить людям. В своей обыденной жизни она непретенциозна, и не удивительно, что порой в сельском магазине или столовой ее принимают за свою. И она не обижается, ибо, идя по жизни тихо, наверное, всматриваешься в нее гораздо глубже, заглядываешь, как говорится, в самый корень, где невидимые протекают жизненные соки.

В. КРУЗЕ,
актриса Государственного
Академического
Художественного театра
им. Я. Райниса.

23 ДЕН 1972